

Музей фресок Дионисия
Ферапонтово

В.Я.Дерягин, Э.С.Дерягина

**Топонимика
и ономастика
Ферапонтова**

К 1280143

Москва
Ферапонтово
1998

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

81.411.2

+ кр + кмч

Д 36

К 600-летию Ферапонтова монастыря

Под общей редакцией
Г.И.Вздорнова и М.Н.Шаромазова

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Администрации Вологодской области

© Музей фресок Дионисия, 1998

© Издательство "Теза", 1998

© В.Я.Дерягин, З.С.Дерягина, 1998

Географические названия окрестностей

Ферапонтова монастыря

Географические названия представляют собой важный исторический и лингвистический источник. По замечанию известного литератора XIX века Н.И. Надеждина, «топонимика — это язык земли, а земля есть книга, где история человечества записывается в географической номенклатуре»¹. Народы живут и умирают, растворяясь в среде других, более сильных, но и при этом жизнь их не проходит бесследно: язык их в виде отдельных слов, а также географических названий усваивается ассимилирующим народом и передается в процессе исторического развития. Так, на протяжении столетий и тысячелетий могут жить и живут древнейшие памятные знаки, память о том или ином ушедшем народе. По географическим названиям можно судить (но не всегда это удастся восстановить достаточно полно) о преданиях, верованиях, особенностях быта, природонаблюдениях того или иного народа.

Для музейных работников географические названия могут служить интересным материалом для экскурсионного дела, проведения лекций и подготовки экскурсионных маршрутов. При разработке программ Национального парка «Русский Север» обращение к географическим названиям также необходимо, более того, без их изучения не будет достигнута полнота описания края, его природы, растительного и животного мира, особенностей освоения человеком этих земель.

Изучая географические названия, надо обязательно учитывать существующие различия официальных картографических форм и форм народных, бытующих среди местных жителей, отразить эти расхождения, чтобы избежать их в дальнейшем при картографировании и описании в путеводителях и других изданиях.

Ферапонтов монастырь и земля вокруг него традиционно входят

в Белозерский край. *Белозерье* — так чаще всего называют этот севернорусский край. Как и на всем русском Севере, да и не только на Севере, здесь встречаются и славянские по происхождению и неславянские географические имена. Это связано с историей заселения края. Славяне появились на этой территории во второй половине I тысячелетия н.э. Они осваивали свободные земли, не занятые автохтонными кочевыми племенами прибалтийских финнов, которые промышляли исключительно охотой и рыболовством. Передвигаясь с места на место в поисках лучших охотничьих угодий и мест, изобилующих рыбой и птицей, прибалтийские финны (вепсы, карелы) в какой-то мере освоили этот край, и это выразилось также и в том, что большие и малые географические объекты получали наименования, но в первую очередь — гидрографические, так как реки и озера (а для русского Севера характерно наличие не просто большого количества рек и озер, но чаще всего многочисленных систем их) были самыми надежными путями сообщения, а берега их — местами стоянок и поселений. Следует заметить, что до прихода славян здесь проживали в разные исторические периоды, кроме прибалтийских финнов, саами, волжские финны и другие народы. И все они передавали друг другу свои имена для обозначения географических объектов. Поэтому некоторые географические названия представляют собой неразрешимые загадки, их нельзя объяснить из известных языков финно-угорской группы (живых и мертвых). Почему? Скорее всего потому, что в процессе поэтапного заимствования из одного языка в другой названия претерпели большие изменения.

Район Белого озера заселен славянами давно, по традиционной точке зрения — в VIII—IX веках. Очень рано Белоозеро начинает упоминаться и в русских летописях. Есть тому и археологические свидетельства. Однако некоторые современные археологи считают, что славяне в районе Белого озера появились еще в VI—VII веках. Это — по данным Л.Н. Башенькина, руководителя археологической экспедиции Череповецкого музея. В 1984 году эта экспедиция в Чагодошенском районе Вологодской области у деревни Падун обнаружила славянские поселения VI—VII веков.

Но есть и языковые признаки, также указывающие на раннее проникновение славян в район Белого озера по сравнению с другими территориями русского Севера. Профессор Уральского университета А. К. Матвеев отмечает такую интересную фонетическую особенность, как регулярность соответствия финского краткого звука *ä* русскому *о*. Эта закономерность отмечается в различных тематических группах слов, в том числе и в словах, обозначающих географические понятия, а также в составе географических названий (топонимов). Для сравнения можно привести такие примеры, как карельское *karjala* — древнерусское *корела*, финское *lappi* — древнерусское *лопь*, финское *lahti* — севернорусское диалектное *лóхта* («залив», «низкий берег реки, озера»), финское *saiga* — севернорусское диалектное *сóра* «развилка (реки, дороги, дерева)» и др. На большей же части территории русского Севера отражено соответствие финского краткого *ä* русскому *а* (сравните современные названия — *Карелия* и *Лапландия*, а также известное во многих севернорусских говорах слово *лáхта* — «залив»). Соответствие финского краткого звука *ä* русскому *о* на территории Белозерья, по мнению профессора А.К. Матвеева², свидетельствует о том, что эта территория была освоена русскими тогда, когда в древнерусском языке еще не завершился праславянский процесс перехода краткого звука *ä* в *о*, то есть никак не позже VI—VII веков.

Район Белого озера заселяли *кривичи* (они двигались с юга, «снизу», с берегов Волги в Шексну) и *новгородские словене* (они шли с запада в район реки Уломы по Шексне), Историки отмечают, что освоение славянскими племенами Белозерья и в целом русского Севера шло мирно: свободных земель было много, прибалтийско-финские племена были малочисленными, кочевыми, не «сидели» на земле. Поэтому здесь русские творили свою систему географических названий, заимствуя лишь некоторые иноязычные имена или переводя их на свой язык. В районе Ферапонтова, по сравнению с другими территориями русского Севера, преобладают славянские по происхождению географические названия.

В течение трех лет (с 1988 по 1990 год) в село Ферапонтово были организованы летние и зимние топонимические экспедиции Московского

педагогического университета. За это время собрана большая часть географических названий Ферапонтовского сельсовета: названия деревень, озер и их островов, рек, ручьев, болот, полей, покосов и т.д. Предварительные итоговые результаты этой большой работы представлены в настоящем издании.

1 Населенные пункты

В составе Ферапонтовского сельсовета сейчас насчитывается чуть больше 60 деревень, из них около 20 — это уже исчезнувшие деревни. Даже в недавнем прошлом эти деревни относились к разным волостям и приходам. Часть деревень, расположенных в южной и западной части Бородаевского озера, относилась с XVI века вплоть до начала XX века волости Федосьин Городок, а с 1917 года они входили в состав Филипповского сельсовета³. Это старое административно-территориальное деление еще сохраняется в памяти местных жителей и, кроме того, отражено непосредственно в названиях некоторых населенных пунктов. Тому свидетельство название деревни *Сйверово* (в местном говоре, согласно его фонетическим особенностям, слово *сёвер* произносится как *сйвер*). Но эта деревня находится на юго-запад от села Ферапонтово и Ферапонтова монастыря. Почему же она «северная»? Да потому, что эта деревня относилась к группе деревень Федосьина Городка и была севернее других его деревень. Позднее она вошла в состав Ферапонтовской волости, затем — Суховерковского сельсовета, сохранив свое старое ориентированное название.

Ферапонтовская волость оформляется, видимо, в XIX веке⁴. Центром ее была подмонастырская *Ферапонтовская слобода*, так она названа уже в памятниках деловой письменности XVII века⁵, и это ее наименование держалось вплоть до конца XIX века: «Ферапонтовская слобода Кирилловского уезда при озере Бородавском и Ферапонтовском монастыре»⁶. Такое название в силу своей объемности существовать в живом общении не могло, поэтому чаще всего Ферапонтовская слобода называлась просто Слобода⁷, а ее жители себя называли *слобожанами* или *слободскими*.

Следует заметить, что современное административно-территориальное деление произвольно, оно не соответствует историческим традициям. Возьмем Москву. Она строилась и жила замкнутыми районами: Кремль, Великий (Большой) посад, позднее на его месте — Китай-город, дальше — Белый город, Земляной город... А внутри их профессиональные и этнические слободы хамовников, скатертников, кожевников, сыромятников, каменщиков, кузнецов; немцев (всех, кто «немтует», то есть не понимает и не говорит по-русски), малороссов (малорусов) — отсюда Маросейка и т.д.

Сейчас Москва разделена по колониальному признаку на сегменты, поэтому одна сторона улицы может относиться к Октябрьскому району, а другая — к Москворецкому. То же самое можно встретить и в Подмосковье, к примеру в районе древнего Радонежа: часть деревень относится к Пушкинскому, другая — к Сергиев-Посадскому району. Исторически же все эти деревни тяготели либо к Троице-Сергиеву, либо к Хотьковскому монастырям. Одно время они входили даже в Радонежское княжество. Та же картина, как видно из примеров, и на русском Севере.

В большинстве своем названия севернорусских деревень образованы от имен или прозвищ переселенцев, владельцев. Названия деревень и в целом названия населенных пунктов чаще всего представляют собой прилагательные (притяжательные), отвечая на вопрос «чей?» (город, посад), «чья?» (деревня, слобода), «чье?» (село).

Древнерусские личные имена делились на исконные, восходящие еще к эпохе язычества, и на заимствованные, пришедшие на Русь вместе с принятием христианства. Первые были именами-характеристиками, они могли указывать на те или иные черты характера, внешность их носителей. Например, Мал, Малой, Чернавка, Ломонос, Кривой, Дурной и т.п. Христианские (канонические, церковные) имена приспособлялись к русскому языку, «обрусевали», при этом меняли свой первоначальный вид и звучание. Они не только подстраивались под русскую фонетику, утрачивая несвойственные русскому языку отдельные звуки и звуковые

сочетания, но также внешне, по форме своей, походили на славянские имена, получали такие же концовки, как и исконные славянские имена: Данило как Томило, Ваньша как Путыша, Ерема как Истома, Леушко как Чернышко и т.п.

В жизни некоторых христианских имен отразились не только общерусские языковые особенности, но и диалектные. Так, например, те имена, которые начинались с безударного а, по-разному произносились на севере и юге: Авдей — Овдей, Арина — Орина, Андрей — Ондрей, Акила — Окула, Окуло⁸, Акилина — Окулина. Превращение имен Акила и Акилина в Акулу и Акулину можно объяснить тем, что по-славянски они писались с ижицей, где ижица часто прочитывалась как [у]. Таким образом, христианские имена в живой народной речи трансформировались, приобретали народные формы и в этих народных формах закреплялись в названиях населенных пунктов.

Приведем наиболее интересные примеры названий деревень Феррапонтовского сельсовета, образованных от имен: *Артюшенское*⁹ от Артюша (Аргамон), *Васняково* от Васняк (Василий), *Ерёминское*¹⁰ от Ерема (Иеремей), *Емешово* от Емеша (Емельян), *Евсютино*¹¹ от Е(в)сюня (Евсей), *Леушкино* от Леушко (Лев)¹², *Нефёдьёво* от Нефедей, Нефедя (Мефодий), *Окулово* от Окула, Окуло (Акила). Правда, Ю. И. Чайкина считает, что *Окулово* образовано от имени-прозвища Окула. В подтверждение этого она приводит русское диалектное слово *окула* «обманщик, плут»¹³. Также отыменными будут следующие названия деревень: *Панькóво* от Панька, Паня (Пантелеимон), *Рóдино*¹⁴ от Родя (Родион), *Фефёлово* от Фефел, Фефил (Феофилакт и Феофил), *Мелюшино* от Меля, Мелюша (Емельян), *Фёдóсово* от Федос (Феодосий). На закрепление названия *Феррапóнтовской слободы*, позднее — села *Феррапóнтово*, а не Фарафонтово (что до сих пор сохраняется в народной речи), видимо, повлияла письменная традиция. Еще в XV веке отмечалась народная форма: «... кто будет... в Фарафонтиевой пустыни»¹⁵. Можно привести в качестве примера другую ситуацию, когда имя Феррапонт закрепилось в географическом названии именно в народной форме, а не в книжной — это деревня Фарафоново в Орловской области

(близ города Мценска). Причем это личное имя с еще бóльшим изменением конца слова — Фарафон (упрощение группы согласных в конце).

Наиболее интересные прозвищные названия деревень: *Горяева* от Горяй, *Дергяево* (официальная форма *Дергаево*) от Дергяй, *Теряево* от Теряй, *Балуево* от Балуй, *Гуляево* от Гуляй, *Яршево* от Ярыш (скорее всего здесь тот же корень, что и в имени Ярило), *Кнышóво* от Кныш (в вологодских говорах *кныш* может употребляться как слово-характеристика человека небольшого роста)¹⁶, *Кура́кино* от Курака, *Шульги́но* от Шульга (шуй, шуйца, шульга — «левая рука»), *Са́жинская* от Сажа, *Цыпи́но* от Цыпа, *Кра́сново* от Красный.

Несколько названий условно отнесено нами к ориентированным. Они указывают на местоположение деревни относительно других объектов, отражают особенности рельефа местности: *Сиверо́во* буквально — «северная», *Го́рка* (она же Горка, Бородаевская) — бывшая деревня на высоком крутом южном берегу¹⁷ Бородаевского озера, *Го́ры* — бывшая деревня к востоку от Цыпиной горы, *Заго́рье* — расположена по дороге от Ферапонтова за Цыпиной горой, *Уско́во* — расположена на берегу самой узкой части Бородаевского озера (см. подробнее ниже). Это место называется также *Уски*. Вот запись речи местных жителей: «На Усках бы́ли? Та́м мо́ст ра́ньше бы́л. За Уски переи́дешь, там Ферапо́нто́вско о́зеро, а наше Борода́вско». Название отражает особую примету местности, что также характерно и для следующего названия — *Мурга́ны* (бывшей деревни). Это имя, возможно, соотносится с диалектным словом *му́рга*, *мурга́* — «воронкообразная впадина, провал (обычно в месте залегания гипса)», «овраг»¹⁸. Скорее всего сюда же можно отнести и старое название деревни *Лесово* — *Плеше́во*. В памятнике деловой письменности XVI века¹⁹ эта деревня обозначается как Плешево. Для местного говора характерна такая черта, как шепелявость, то есть произношение [ш] вместо [с]: все [фше], сестра [шештра] и т.п. Возможно, картографы «исправили» такую ошибку, обозначив на карте деревню Лесово вместо Плешево. В начале слова из сочетания согласных глухой [п] выпадает.

Интересно отметить еще и такое явление, как бытование общего

названия для нескольких деревень: *Ба́рщина*, *Заозе́рица* и *Ра́менье*. В Барщину входили деревни, расположенные в юго-западной и западной части нынешнего Ферапонтовского сельсовета, которые в XIX веке были помещичьими. В конце XIX — начале XX века возле бывшей деревни Горка стояла усадьба помещика Николаева. Заозерицей называются все деревни по северному берегу Ферапонтовского и Бородаевского озер (ориентация «от монастыря»). К Раменью (был Раменский приход) относились все бывшие деревни, расположенные к северу от Ферапонтова монастыря. Жители Раменья при ликвидации «неперспективных» деревень были переселены в Ферапонтово и другие населенные пункты.

На территории Ферапонтовского сельсовета записано от местных жителей три названия *Попóвка*: первая — часть Слободы (дома стояли под монастырем в сторону Заозерицы); вторая *Попóвка* — часть деревни Цыпино; третья — одна из деревень в Раменье. Так объясняют старожилы происхождение этого названия: «Попóвка, по́п да́к жи́л, е́е прозва́ли, э́то Ра́менской прихо́д». Сюда же следует отнести и название *Дьяко́новская*, одно время почти исчезающая деревня в 1,5 км к юго-западу от села Ферапонтово.

2 Озера и заливы

Ферапонтов монастырь расположен на удивительно живописном холме, к которому близко подходят озерные воды с запада и с юго-востока. Эту особенность расположения озер так отразила в одном из своих посвящений Дионисию местная поэтесса Л. Патракова:

*А у подножия собора
 Лежали синие озера:
 Из одного светило всходит,
 В другое — на покой уходит...*

Западное озеро называют *Борода́вским*, или *Борода́евским*. Названия соотносятся с именем реки *Борода́вы* (Бородаёвы). Именно так оно обозначается в последнее время во многих справочниках и путеводителях, хотя следует отметить, что более частотной в настоящее

время является форма *Борода́евское*, поэтому ей мы и отдаем предпочтение. В памятниках деловой письменности XVI века озеро именовалось так: «Озерко Бородавское у Ферапонтова монастыря...»²⁰. Это же название регулярно употреблялось и в XIX веке²¹.

Бородаевское озеро состоит из нескольких озер, каждое из которых имеет самостоятельное название. Так, в «Описании Ферапонтовской волости» архимандрита Макария (1854) отмечается не одно озеро, а два: «Озеро Ферапонтовское простирается на запад от монастыря и соединяется узким проливом с Бородавским озером, простирающимся далее на запад... За соединенными озерами Ферапонтовским и Бородавским, имеющими в длину до 7 верст, а в ширину не более версты, ... виднеются крестьянские... деревни...»²².

Первое, ближнее к монастырю озеро — это Ферапонтовское, его и сейчас так называют местные жители. У него есть и второе название — Монастырское. Оба имени²³ указывают на близость Ферапонтова монастыря. Название же Бородаевское относится к дальнему, уходящему далеко на запад, озеру. Из него в свою очередь выделяется еще четыре озера: *Горско́е* (залив у бывшей деревни Горка), *Мысо́вско́е* (залив у деревни Мыс), *Луки́нское* (залив у деревни Лукинское), *Нико́льское озерко́* (залив у деревни Зайцево; название дано по церкви Николы).

Бородаевское и Ферапонтовское озера соединяет узкий пролив, называемый местными жителями *Уски*. Деревня, расположенная на *Усках*, именуется *Усково*. Через этот пролив был проложен деревянный мост, существовавший до 50-х годов XX века. Мост был разобран, берега пролива были взорваны: все это было сделано для молевого сплава леса. Поэтому сейчас здесь местные жители видят озеро и называют его *Уско-Борода́евским*, или *Уско́вским*.

Таким образом, с запада к монастырю подходит целая система озер, которая соединяется узким протоком (речкой) под названием *Па́ска* с другим озером, расположенным к юго-востоку от монастыря — *Слободски́м (Па́ским, Спа́ским)*.

Следует отметить такую важную особенность озер, расположенных к западу и юго-востоку от монастыря: они находятся на разных уровнях, между ними естественный перепад в 2—3 метра. Речка *Пáска* имела и до построения плотины вид горной реки. Вот как описывает ее архимандрит Макарий: «Из этого [Ферапонтовского] озера на восток протекает глубоким рвом быстрая речка, подле полуденной стороны бора монастырского, и через 150 сажен вливается в Слободское озеро, находящееся на юго-восток от монастыря»²⁴.

Название озера, в которое впадает речка Паска — *Слободское*. Это имя известно современным жителям села Ферапонтово, по-старому, — Слободы. Однако чаще всего озеро называют *Пáским* и даже *Спáским*. Последнее название встречается во многих путеводителях и справочниках, и оно представляет собой народно-этимологическую форму. Если бы озеро называлось Спасским, на его берегах должна бы быть церковь Спаса или деревня (село) Спасское. Для примера можно привести названия близлежащих озер — Ильинское, Никольское, Пятницкое, которые получили эти имена по церквям Ильи Пророка, Николая Угодника, Параскевы Пятницы, поставленных на их берегах. Правильная форма — *Пáское озеро*, названное так по реке, впадающей в него. С точки зрения словообразовательной название должно бы писаться Пасским, но в русском языке много случаев, когда орфографическая форма отражает фонетические изменения в слове.

Озеро Паское соединяется с другим (вернее, еще одной системой озер) длинной речкой-протокой по имени *Рэчка* или *Яршевка* (по деревне Яршево на ее берегу). Озера, входящие в следующую систему, называются по деревням или церквям, расположенным вдоль береговой линии. Сложность описания этой системы озер заключается в том, что она начинается рекой Итклой (к северо-востоку от Ферапонтова примерно в 6—7 км), которая разливается несколькими озерами, а ниже деревни Глебовское все воды снова текут в виде реки (под тем же названием Иткла), впадающей дальше в Северо-Двинский канал и реку Порозовицу.

Официальных названий для озер, имеющих протяженность с севера на юг, — два: *Ворóбино* и *Пя́тницкое*. В действительности же здесь имеется тоже система озер, в которую включаются и большие заливы, так как местные жители их считают озерами.

Начинается эта система озером *Ворóбинским* (по деревне Воробино), далее следуют: *Мйтинское* озеро (по деревне Митинское); *Емешóвское* озеро (по деревне Емешово), оно же может называться и *Мурга́нским* озером (по бывшей деревне Мурганы, располагавшейся от Емешова в противоположном южном конце этого озера). Именно в Мурганское (Емешовское) озеро и впадает Речка, она же Яршевка. Далее на юг — *Бяковское*, или *Ере́минское*, или *Йтклинское* озеро (по деревням Бяковская и Ереминское, которые расположены на противоположных берегах этого озера, и реке Иткле), *Пя́тницкое* (по деревянной церкви Параскевы Пятницы, которую разобрали для ремонта моста в 50-е годы), *Глебовское* озеро (по деревне Глебовское).

Итак, озера Воробино и Пятницкое, которые под такими названиями нанесены на физико-географические карты и схемы, по данным нашей экспедиции, включают в себя, по крайней мере, по три озера. Причем название Пятницкое действительно местными жителями иногда употребляется как общее для пяти озер. При этом дается и мотивировка имени: «Пя́тницкое о́зеро, да́к та́м пя́ть озе́р» — это еще один пример народного осмысления названия. Кроме того, местные жители приводят и второе по отношению к нему общее название — *Йткло-Бобро́вское*²⁵: «По писа́нью оно Йткло-Бобро́вское, от старико́в слыха́л, а мы́ зове́м Пя́тницкое о́зеро».

В окрестностях Ферапонтова монастыря имеется несколько лесных озер. Они или связаны между собой (например, *Пла́хинское* и *Ильи́нское*, оно же *Цы́пинское*), или соединяются речками-протоками с большими озерами: *Оку́ловское* озеро речкой Оку́ловкой соединено с озером Бородаевским, *Буёрко* речкой Буёркой — также с Бородаевским, озеро *Тя́рбалó* речкой Тя́рбалкой соединено с Бородаевским озером, озеро *Ка́стромка* соединяется речкой Дыморкой с Глебовским озером. Часть из

них получила название по деревьям, расположенным на их берегам: Плахинское, Цыпинское, Окуловское. Озеро Ильинское названо, скорее всего, не по деревянной церкви Ильи Пророка, по-строеной на берегу этого озера в 1755—1756 годах, а по Ильинскому, что на Цыпине, погосту, центром которого и была Ильинская церковь²⁶. Несколько названий озер в окрестностях Ферапонтова монастыря являются заимствованиями. К ним относятся *Бўёрко*, *Ры́ндуч* (варианты: *Ры́нбач*, *Ры́нгач*, *Ры́нгуч*), *Тя́рбало* (варианты: *Тя́рболо*, *Тя́рбольское*). Они, как правило, построены по финно-угорской модели: словосложение со вторым компонентом «озеро», «река», «ручей» — в противоположность суффиксальному типу, который обычно встречается в славянских географических именах. Правда, эта структура слова не всегда сохраняется. По мнению Л.А. Субботиной, занимающейся изучением заимствованной белозерской топонимии, название *Бўёрко* — буквально значит «канава (ручей)-озеро» (действительно, это озеро с протокой, из него вытекает речка с тем же названием), *Тя́рболо* — «смоляная (дегтевая) река» (это озеро тоже с протокой, поэтому вторым компонентом названия и является термин «река»).²⁷ *Ры́ндуч* Л. А. Субботина соотносит с карельским *ganta*, *ganda* («берег») и считает, что это белозерское географическое название существует в саамской огласовке²⁸. А вот как рассказывают местные жители об этом небольшом озере с топкими и вязкими берегами: «Ры́нгуч — полно карасей, карась любит грязь. Лы́ва вокру́г Ры́нгача, та́м такие бы́ли кринки, что́ коро́ва попа́ла в кринку, дак и ушла́, так и рыхнулась. Я по оди́н раз за́тапалась, ту́да попа́ла и всё берё́мя за́гамала под себя́. Нога́ми за́гамываю, за́таптываю нога́ми, рука́ми толка́ю, вчечу́рилась в э́ту кринку...»

3 Острова

Островов на озерах в окрестностях Ферапонтова монастыря не так уж и много, если сравнивать с другими озерными системами русского Севера. Например, в районе Кенозера в Каргополье нами было описано около 80 островов²⁹, здесь же их насчитывается около 30. Одни из них довольно большие и служат как сенокосные угодья, к примеру *Большой*

(вариант: *Велѣкий*) остров в Бородаевском озере. Этот остров площадью примерно 7 га: «Там были покосы, пять стогов там накашивали». Есть *Большой* остров и в Паском озере. Некоторые острова оголяются лишь в середине лета, весной и осенью они под водой, поэтому в названиях таких островов, как правило, отмечается эта особенность, то есть они часто называются словами со значением «мель, мелкое место». В говоре окрестностей Ферапонтова монастыря для обозначения мели употребляется слово *змѣльѣ*. Именно с таким названием в описываемом нами районе встречается четыре острова: у деревни Захарьино, у деревни Щелково, у деревни Глебовское и *Золотое змѣльѣ* у деревни Лукинское. Вот как о последнем рассказывают местные жители: «Золотое змѣльѣ — остров каменной, в половодье не видно, а как камения обсохнут, дак Золотое змѣльѣ, хорошо там клюёт». Этот остров называют еще просто *Золотым*, вероятно, за то, что там золотой, то есть «богатый» клев рыбы.

Название острова *Каргач*, что в Бородаевском озере, возможно, соотносится с севернорусским словом *ка́ргач* («заросшее травой место на озере»)³⁰. Интересно, что местные жители, пытаясь объяснить название этого острова, связывают его с криком грачей или ворон (карканьем?), что, конечно же, является простым переосмыслением названия. И в основе названия острова *Куст* (в Бородаевском озере) некоторые исследователи также видят географический термин со значением «мель, перекат»³¹.

В некоторых названиях островов есть указание на характер растительности: *Берёзовец*³² (варианты: *Берёзов*, *Берёзовый*), *Осиновец*, *Ольховец*, *Чйщены*³³ (вариант: Чйщин).

С пребыванием в Ферапонтовом монастыре опального патриарха Никона связывают название острова *Чайный* (в Ферапонтовском озере). По легенде, Никон любил ходить туда пить чай по дорожке, насыпанной по озеру. Однако название объясняется тем, что на острове много гнездовых чаек. «Чайных» островов несколько: *Чайный*, он же *Чайкин* в Ферапонтовском озере, *Чайный* — в Паском озере, *Чаячный* — в Бородаевском озере.

Определенный интерес представляет название острова *Чёртов*, расположенного в центре Бородаевского озера. По рассказам местных

жителей, вокруг острова очень много валунов, камней, которые как будто накинаны чертом. Поскольку подводная каменная гряда представляет опасность для рыбаков, на нее в непогоду, при сильном ветре, часто натыкались, то можно предположить, что название это пейоративного, то есть уничижительного, неодобрительного характера.

4 Реки

Описание рек следует начать с *Борода́вы*, которая впадает в Бородаевское озеро. В «Описании Нило-Сорской пустыни»³⁴ приводятся различные ее наименования: *Бродя*, *Бродавица*, *Бородава*. Известен еще один вариант названия — *Бородаева*³⁵. По-видимому, сама река и озера Бородаевское, Ферапонтовское и Паское были местами рыбной ловли. Скорее всего, название Бородавы следует сопоставлять со словом *брод*, *бродить* (бродить рыбу, то есть ловить рыбу бреднем), отсюда — *Бродя*, *Бродава*, *Бродавица*. Остальные формы вторичные, более поздние, переосмысленные: неясное *Бродя* преобразуется в *Брод-*

Наибольший интерес и трудность в объяснении названия представляет имя *Пáска*. Сами местные жители связывают это название с праздником Пасхи, но в гидронимии нет примеров, чтобы река или ручей назывались по тому или иному празднику. Таким образом, перед нами типичный пример народной этимологии.

Ученые-топонимисты давно обнаружили такую закономерность: названия рек могут отражать характер течения воды (Быстрая, Гремучий ручей), особенности русла, почвы (Каменка, Болотная), цвет, вкус, запах, температуру воды (Белая, Желтая, Пресня, Гнилой ручей, Зяблой ручей, Студенец). Известно также, что многие слова, которыми обозначают текущие воды (река, ручей, пролив, протока и т.п.), являются отглагольными образованиями, так как они указывают на движение, течение.

Если учесть все эти типологические особенности, то можно предположить, что слово *Паска* — отглагольное, так как оно должно обозначать характерный признак этой речки: «падение» воды с большой высоты, вытекание ее из одного озера в другое, что соответствует русским

литературным словам *пролив*, *протока*, а также диалектным *вѣнад*, *вѣлив*, *падун*, *вѣдина*, *вѣнадок*, *вал* (от валить, «падать»), *понйк*, *панйк* (от поникать, «течь»), *пѣточа* (от потечь) и др. Однако в русском языке и его говорах нет слов с корнем *пакс-*, имеющих значение «течь», «падать», «литься».

Можно предположить, что это название восходит к одному из языков прибалтийских финнов. Поскольку в районе Белозерья в летописные времена, да и сейчас проживают вепсы (древнерусское *весь*), то следует обратиться к словарю вепского языка. Вепский глагол, который можно привлечь в качестве этимона, многозначен: *pästta*, *pästtä* — 1) отпускать, выпускать; 2) выпускать (давать вытечь); 3) опорожнить; 4) выбрасывать, выкидывать. Таким образом, речка Паска — река выпускающая воду, дающая вытечь (озеру), «опорожняющая» озеро Ферапонтовское.

Многие названия рек в окрестностях Ферапонтова монастыря повторяют названия деревень³⁶: *Малинская* (деревня Малино), *Окуловская*³⁷ (деревня Окулово), *Лещёвка* (деревня Лещево), *Дергяева* (деревня Дергяево), *Есёунинская* (деревня Евсюнино), *Кнышовка* (деревня Кнышово), *Лукинская* (деревня Лукинское), *Новская* (деревня Нова), *Сиверова* (деревня Сиверо).

В группе речных названий встречаются и такие, как *Рекá* (соединяет Плахинское озеро с Ильинским — Цыпинским), *Рѣчка*, она же *Яршевка*, и *Мурганская*³⁸ речка (соединяет озеро Паское с Мурганским), *Ручьёвинка* (протекает через д. Сиверо). Это очень распространенный случай — переход слов, именуемых в языкознании местными географическими терминами, в имена собственные. Примеры такого рода можно встретить в разделах *Озера*, *Острова*, *Элементы рельефа*.

Несколько названий рек с очень прозрачной мотивацией: *Большая* и *Малая* речки (у деревни Емешово), *Большой* ручей (у деревни Рамень), *Вязовка* (у деревни Окулово), *Берёзовка* (у деревни Емешово), *Засериха* (у деревни Плахино), *Каменка* (протекает по селу Ферапонтово и впадает в Паское озеро), *Моховка* (у деревни Лесово), *Рябиновка* (впадает в озеро Ильинское), *Спорный* ручей (у деревни Лещево), *Средней* ручей (у деревни

1280143

Лещево впадает в Феропонтовское озеро), *Чёрные* речки (у деревень Емешово и Сиверово). Интересно объяснение названия реки *Лимóновки* (у деревни Родино) самими жителями: «Лимóновка, потому́ что вода́ в рекé жёлтая». Скорее всего, название отыменное (от народной формы Лимон канонического имени Филимон). Такого же происхождения, возможно, и название речки *Ма́рковки* (варианты: *Ма́ртовка*, *Маркёловка*, *Мартёловка*) у деревни Усково. Один из местных старожилов связывает ее название с именем своего отца, жителя деревни Усково, возле которой протекает река. Известно, что имена Марк и Маркел в народной речи воспринимались как варианты одного имени. Для говора также характерна мена к в г.

Займствованных названий рек, считая и Паску, на территории Феропонтовского сельсовета немного. Река *Кёрбовка* берет начало из Ильинского озера и впадает в речку Ка́менку. Первая часть этого имени соотносится с финским *kiegä* («скрученный»), *kiegte* («виток, крутка»), вепским *keg* («скрученный»), эстонским *keeg* («поворот»), а вторая — представляет собой географический термин со значением «канавы, ручей». Действительно, эта река очень петляет, имеет ярко выраженное искривление русла. В Бородаевское озеро возле деревни Усково впадает речка *Курга́н*. Название речки включает широко распространенный в говорах русского Севера местный географический термин *курга́н*, который, по мнению О. В. Вострикова, восходит к каким-то вымершим финно-угорским языкам³⁹. С севера в Бородаевское озеро впадает речка *Ла́пач* (вариант *Ла́поч*). Это название можно соотнести с вепским лор («конец, остаток»). Конечное ч в названии Лапач, возможно, возникло на русской почве. Известно, что существительные с конечным ч в русском языке имеют собирательное значение (по типу кедр—кедрач)⁴⁰. Левым притоком Бородавы является река *Сóра*. В этом названии, по мнению Л.А. Субботиной, «отражен прибалтийско-финский (скорее всего вепский, ср. вепс. *saга*) вариант термина сора—сара»⁴¹: 1 развилина (раздвоенный ствол или сук, разветвление; 2. развилье сохи).

5 Элементы рельефа

Гор, возвышенный как таковых в районе Ферапонтова монастыря немного, хотя в речи местных жителей для обозначения холмов, возвышенностей регулярно употребляются *горá*, *горúшка*. Следует отметить, что и высокий берег озера (реки) в древнерусском языке и в современных севернорусских говорах часто обозначается словом *горá*. Как географический термин, закрепившийся в топонимии, здесь встречается еще *завáл*.

Самая высокая точка в окрестностях Ферапонтова — *Цыпина горá*. Вот как о ней пишет архимандрит Макарий: «Высшая из местных гор, Цыпина, красующаяся среди волости, составляет замечательное звено в отрасли Олонецких гор. Вся эта гора, с прилежащими к ней холмами и отлогостями, простирается не менее 6 верст с северо-востока на юго-запад по направлению к г. Кирилову»⁴².

К северу от Ферапонтова (примерно в 8—10 км) «возвышается величественная, огромнейшая, круглая гора *Рáменье*»⁴³. Именно по горе, скорее всего, и появилось общее название бывших деревень (и в прошлом их прихода) — *Рáменье*. Такое название широко распространено на территории России, по происхождению оно славянское и представляет собой отглагольное образование (от глагола *(о)рати* — «пахать, рыхлить, возделывать землю»). Первоначально этим именем называли поля, расположенные на ровном месте и на возвышенном, покосы (на месте заросших полей). Далее это имя могло переходить (по принципу метонимии) на находящиеся рядом холм, лес, деревню.

Особый интерес представляет название *Карпáты*. В районе Ферапонтова монастыря три возвышенности имеют такое название: Карпаты у деревень Окулово, Сиверово и у бывшей деревни Мурганы. Откуда это название на русском Севере? Возможно, славяне принесли его сюда в память о своей прародине. Ведь на русском Севере встречается и Дунай, Дунаец — названия, также связанные с прародиной славян.

Несколько названий возвышенностей, описанных в окрестностях Ферапонтова монастыря, метафорического происхождения: *Ковры́га*

(вариант: *Коври́жка*, *Коври́га Зайцевская*) — у деревни Зайцево, *Гармо́ниха*⁴⁴ у деревни Леушкино, *Полáти* у деревни Оденево, *Опóрки*⁴⁵ у деревни Балуево, *Пу́п* у деревни Бяковское.

Особенности рельефа отражены в следующих названиях: *Высо́кая* (вариант: *Высо́кое*) у деревни Леушкино, *Высо́кие* у деревни Филиппово, *Плос́ки* (вариант: *Плос́кое*) у деревни Щелково, *Бéлая горá* у деревни Дьяконовская, *Большáя горá* у деревни Лещево, *Виш́вая горушка* (где *вишый* — «несущественный, незначительный») у деревни Кнышово, *Каменíстая гору́шка* у деревни Леушкино, *Кáмешник* у деревень Бяковское и Плахино, *Крута́я горá* у деревни Емешово, *Мáленькая горкá* у деревни Глебовское, *Озёрная горá* — возвышенный крутой берег озера у деревни Лещево, *Покло́нная горá* у с. Ферапонтово, *Тренóжье* у деревни Яршево, *Косáя горá* у деревни Родино, *Крю́ча* у деревни Емешово, *Ленíвая горá* у деревни Родино, *Басíха*, — крутой берег озера Ферапонтовского. Последнее, скорее всего, образовано от русского диалектного слова *басá*, ср.: *баси́ться* («наряжаться, украшать себя»), *набаси́ться* («нарядиться в красивые одежды»), *басá* («праздничный наряд»), *бáско* («красиво», «хорошо»), *баско́й* («пригожий») и др. И сами жители об этой реалии рассказывают так: «Мéсто тáм баско́е, высоко́е, весéлое, сухóе, я́годное». При этом вспоминают, что в детстве не только они, но и дети из близлежащих деревень — Лещева и Сиверова — бегали туда за земляникой, где она поспевала раньше, чем в других местах. Это название, правда, по легенде, связывают с пребыванием в Ферапонтовом монастыре патриарха Никона: что он любил здесь гулять и петь, «басить» псалмы. Такое объяснение носит народно-этимологический характер. Связано с местной легендой и название бывшей *Разбо́йничьей (Разбо́йничной) гору́шки*, которую разрыли и вывезли на строительство дорог. Разбойничья горушка находилась между деревнями Усково и Щелково, то есть на *Усках* — там, где теперь Уско́вское озеро. Мимо нее раньше проходила торговая дорога, соединяющая Кириллов с Чарозером. Это был крутой берег озера: «Разбо́йнишна горка под о́зеро си́льно кру́та бы́ла, горы́ нёт, вёсь песо́к взяли, вишь. Та́м жили разбо́йники, зо́лото спря́тали...»

К группе рельефных названий можно отнести и названия частей береговой линии озер. Большая их часть включает в состав имени географический термин *мыс*, широко распространенный в севернорусских говорах:

Гришин мысок у деревни Захарьино. Этот мыс каменистый, появляется в середине лета, когда снижается уровень воды в озере, «вода опадает». Местные жители объясняют так это название: «Там была кузница, а кузнёц — захарьинский мужик Гриша».

Гульбице — у деревни Шишкино. На нем, как рассказывают сами жители, устраивались гулянья.

Коровий мыс — у деревни Щелково (на северном берегу Бородаевского озера).

Лещёвский мыс — у деревни Лещево (в южной части Бородаевского озера).

Крутикí — на оз. Ильинском: «Крутикí — там завал крутой, тинистое место, купались с Крутикóв».

6 Болота

Среди названий болот на данной территории преобладают славянские. В основном они образованы от личных имен: *Андрéево болóто*, *Борýсовское болóто*, *Вáсинское болóто*, *Веселóвское болóто*, *Гáнино болóто*, *Мýшино болóто*, *Сéвино болóтце*. Однако некоторые из них соотносятся не с именами людей, а с названиями деревень, например, Васинское болото — с деревней Васино, на месте которой в XVII веке после польско-литовского нашествия была построена новая деревня, получившая имя Родино (от Родя, Родион). Думается, что от последнего названия — Родино — пошло и название болота *Родýмый Мóх* (оно находится возле этой деревни).

Следует отметить, что в именовании болот отражаются и их физико-географические характеристики: 1) размер (*Дóлгий Мóст*, *Крúглое*, *Мáленькое*), 2) характер почвы (*Дáльные Грýзья*, *Лúжа*, *Сухóе*), 3) растительность (и есть ли она вообще) — *Морóшечник*, *Морóшечно*, *Мошкí*

(от мох «болото»), *Пуховик* (местные жители рассказывают, что на этом болоте нет бездонных ям, по-местному, *кринок*, вероятно, оно моховое, то есть мягкое, «пуховое»), *Рогозынино*, *Трестянобе* [Трещтяноё], *Чистое*, *Чистомошье* (видимо, болото без мелколесья и моховое), 4) обитание на них птиц (*Тетёрье*, *Тетёрник*, *Пёрвый Тетёрник*).

Поскольку современные болота чаще всего располагаются вокруг озер, то они именуются так же, как и озера: Гагáрское озеро — *Гагáрское* (варианты: *Гагáры*, *Когáрское*, *Когáры*) болото, *Кáстромка озеро* — *Кáстромское* болото, *Окуловское озеро* — *Окуловское* болото, *Буёрко*, *Буёрко озеро* — *Буёрко* болото, *Тя́рбало озеро* — *Тя́рбало* (варианты: *Тя́рбалово*, *Тя́рбольское*, *Тя́рболовское*) болото, *Фóнозеро озеро* — *Фóнозеро* (вариант: *Фóнозерское*) болото.

7 Поля, покосы

Славяне-земледельцы осваивали удобные для земледелия и не занятые местными племенами территории. «Славяне принесли с собой на Север паровую систему земледелия, которая была обычной в районах их исходного расселения... Русская топонимика... широко отражает терминологию, связанную с подсечным земледелием и лесным перелогом»⁴⁶. Термины подсечно-огневого земледелия входят в состав большого количества названий полей и покосов описываемой территории: *Дóлги У́лэши*, *Новина́*, *Новины́*, *Перелóги*, *Пéтина Роздýрка* и др.

Очень часто поля превращались в покосные уголья, поэтому многие названия покосов и по форме (как правило, это существительные женского рода, так как соотносятся со словами *полоса*, *дрань*, *новина*, *роздира* и др.), и по семантике восходят к названиям полей: *Весéлая*, *Вóлковка*, *Высóкая*, *Глухáя*, *Добáвошина*, *Коврýга*, *Копы́лова*, *Сестрýца*, *Слободсáя*, *Сокóльня*, *Соснóвка*, *Тетéриха*, *Тóрбинка*, *Федóтиха*. В составе названий покосов отражены также и сенокосные термины *стожье*, *сенокос*, *пожня*, *луг*: *Авгýсино Стожьё*, *Ба́рский Лúг*, *Вáсино Стожьё*, *Глáдкий Лúг*, *Лобáнов Лúг*, *Лужскý*, *Пáнин Лúг*, *Пóжня*, *Попóво Стожьё*, *Слáвушков Сенокóс*, *Стожьё от Сýверова*, *Сорокоалты́нный Лúг*, *Теря́евские Покóсы*, *Ямно́й Лúг*.

Сохраняются названия, которые указывают на то, что когда-то росло на полях: *Ржйице, Рёпице*.

В группе названий полей и покосов много таких, которые отражают: 1) особенности почвы и поверхности земли: *Гладкой Лўг, Крутыё, Гёрка, Горўшка, Дóлгий Повáл, Зыбўн, Кочёвник, Крўча, Пескй, Плóска Горўшка* (вариант: *Плóски Пóлосы*), *Поперёшин Повáл, Троегóнные, Угловáя Чацá, Шáйма, Ямно́й Лўг*; 2) соотнесенность с другими географическими объектами: *Вóзле О́зера Пóлосы, За Большако́м, За Грязью, За Коню́шней, За Магази́ном, За Ови́ном, К Дóру, Около Морóшечника, От О́зера, Стожьё́ от Сйверова, У Рекй, У Ручья́*; 3) образность видения объекта: *По́лати, Станкй* («Пóлосы Станкй шлй поперёк дорóги»), *Цыпина Нога́, Порткй, Соединённые Шта́ты, Пья́на Я́мка*.

8 Леса

В окрестностях Ферапонтова монастыря леса хвойно-мелколиственные. В названиях лесных участков встречаются термины лесоводческого характера (дача, бревенник, лес, роща, бор), а также слово *óстров*, которое в русских народных говорах, по сравнению с литературным языком, имеет не только значение «часть суши, омываемая со всех сторон водой», но также «сплошной лесной массив»⁴⁷, «лес на высоком месте»: *Бóлдинский Лёс, Бóр, Бревенник, О́льгина Рóща, Óстров, Рóща*. Довольно часто участки леса получают название по имени другого географического объекта, расположенного поблизости: лес *Веселá* рядом с Веселóвским озером, *Горско́й Лёс* — у деревни Горы, лес *Лиманóвская* (вариант: *Лиманóвское*) — по берегам речки Лимóновки, *Ра́меньё* (вариант: *Ра́менский Лёс*) в Ра́меньё, *Тя́рбольский лёс* рядом с болотом и озером Тя́рболо, *Ферапо́нтовский Лёс* — рядом с селом и монастырем. Встречаются среди названий лесов и отыменные: *Андре́ева Да́ча, Ипа́това Рóща, Козло́вский Лёс*, (вариант: *Козло́вское*), *Степа́ново*. Интересное название записано от жительницы бывшей деревни Емешово Г.Д. Забелиной — лес *Гостй́н*. Она объясняет происхождение имени так: в этом лесу, когда шли из Ферапонтова в Емешово, отдыхали, «гостили».

Территория современного Ферапонтовского сельсовета осваивалась первопоселенцами-славянами самостоятельно, так как основная часть географических объектов имеет исконные славянские по происхождению имена. Незначительное количество топонимов (в основном гидротопонимов) было заимствовано из языков прибалтийско-финской группы.

Географические названия данной территории включают в себя самые разнообразные географические термины, что является закономерным в образовании не только русских, но характерно для образования вообще топонимов. Велика роль в создании географических названий и личных имен. И это тоже оправданно: человек осваивает природу и оставляет свое имя там, где он прошел, где стал возделывать землю, строить дома. Следует также отметить, что в географических названиях отражена образность в осмыслении окружающей среды, тонкое чувствование суровой красоты северного края.

Примечания:

¹ Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира.— Библиотека для чтения, т.22, ч. 2. СПб., 1837, с. 28.

² Матвеев А. К. Об отражении одного финно-угорского фонетического соответствия в субстратной топонимике русского Севера.— Советское финно-угроведение, 1968, 2, с.121—126.

³ Алексеева М. А. Из истории деревень вблизи Ферапонтова монастыря. — Ферапонтовский сборник, вып. 2. М., 1988, с.231—236.

⁴ Макарий (Миролюбов) архим. Описание Ферапонтовской волости. — Вестник имп. Русского Географического общества, ч.II. СПб., 1854, с.129—152.

⁵ Переписная книга Белозерского уезда 1678—1679. — Летописи занятий Археографической комиссии, вып.8. СПб., 1888, л. 548 об.

⁶ Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. т.5. СПб., 1885, с. 429.

⁷ Название «Слобода» было еще живым и в 50—60-е годы XX века это отражено в местных частушках.

⁸ Концовка мужских имен (на -о или на -а) соответствует наречиям севера и юга России, ср.: Данило и Данила, Михаило и Михайла и др.

⁹ Некоторые названия деревень здесь бытуют в форме прилагательного среднего рода. Мы приводим картографическую форму с окончанием -ое, она отличается от живой разговорной формы тем, что окончание произносится стяженно: не Артюшенское, например, а Артюшенско.

¹⁰ В произношении этого названия в ударном слоге сохраняется древний звук [e], который здесь не мог измениться в [o], так как находился между мягкими согласными, однако в имени Ерёма ударный [e] перед твердым согласным регулярно изменялся в [o]. Эта фонетическая особенность сохраняется до сих пор в речи местных старожилов, но уже не встречается в речи молодого поколения жителей деревень вблизи Ферапонтова монастыря.

¹¹ Картографическая форма этого названия — с согласным [в]: Евсюнино, хотя местные жители произносят Есьюнино. И в памятниках письменности название этой деревни постоянно фиксируется как Есюнино. Поэтому здесь возможен и другой вариант объяснения названия, предложенный Ю. И. Чайкиной: от народной формы Есюня, Еся (от Иосиф).

¹² Сами местные жители объясняют название деревни тем, что она находится *по левую руку, слева* по дороге из Ферапонтова на Цыпину гору. Это типичный пример народной этимологии.

¹³ Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988, с. 165.

¹⁴ В народной памяти сохраняется старое ее название — Васино (была сожжена поляками в начале XVII века). По легенде, ее жители после разорения переселились ближе к берегу озера (сейчас деревня Родино расположена на северном берегу Бородаевского озера), первым поселился крестьянин по имени Родя (Родион).

¹⁵ Архив П.М. Строева, т.1. Пг., 1917, с. 3.

¹⁶ Словарь русских народных говоров, вып. 13. Л., 1977, с. 346.

¹⁷ В местном говоре слова *гора, горка, горушка* обозначают не только возвышенность, холм, но также и крутой берег.

¹⁸ Словарь русских народных говоров, вып. 18. Л., 1982, с. 353.

¹⁹ Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда. 1585 г. М.—Л., 1984.

²⁰ Там же, с.97.

²¹ Макарий (Миролюбов), архим. Описание Ферапонтовской волости., с. 129—152.

²² Там же, с.131.

²³ В данной статье мы пользуемся только названием *Ферапонтовское озеро*.

²⁴ Макарий (Миролюбов), архимандрит. Описание Ферапонтовской волости., с. 137.

²⁵ В Писцовой книге езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года (на с. 173—174) приводится название река Бобровая Иткла, езы на ней принадлежали Кириллову монастырю.

²⁶ См. об этом подробнее: Шургин И. Н. Ильинская церковь Цыпинского погоста и близкие ей памятники деревянного зодчества конца XVIII в. — Ферапонтовский сборник, вып. 1. М., 1985, с. 207—224.

²⁷ Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья. Канд. дисс. (Рукопись). Свердловск, 1985, с. 135—157, 187.

²⁸ Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья.— Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987, с. 106—107.

²⁹ Дерягин В. Я., Дерягина З. С., Манихин Г. И. Топонимика Кенозера, ч. 1—2. Архангельск, 1987.

³⁰ Субботина Л. А. Географическая терминология Белозерья и ее отражение в топонимии. — Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983, с. 83.

³¹ Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья,— с. 99—100.

³² Березовцев здесь два: один в Бородаевском озере, другой — в Паском.

³³ Остров чистили, очищали от мелкокося.

³⁴ Описание Нило-Сорской пустыни. М., 1913, с. 6.

³⁵ Писцовая книга езовых дворцовых волостей..., с. 183.

³⁶ Названия водных объектов первичны и часто переходят на названия населенных пунктов, но если река или ручей, не были названы до постоянного заселения, то в микротопонимии встречается обратное: переход названий населенных пунктов на водные объекты.

³⁷ Эта речка называется Окуловской, возможно, еще и потому, что берет начало из Окуловского озера.

³⁸ Названия Яршевка и Мурганская — по д. Яршево и бывшей д. Мурганы, расположенным на правом ее берегу.

³⁹ Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. — Этимологические исследования. Свердловск, 1981, с. 3—45.

⁴⁰ Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья. Канд. дисс., с. 106—108.

⁴¹ Там же, с. 122.

⁴² Макарий (Миролюбов), архим. Описание Ферапонтовской волости..., с. 129.

⁴³ Там же, с. 131.

⁴⁴ Объяснение названия местными жителями: «Гармóниха — устúпами горúшка».

⁴⁵ Объяснение названия местными жителями: «Опóркам зовúт, большáя горá».

⁴⁶ Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья. — Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975, с. 23.

⁴⁷ Сравните: Лосиный Остров в Москве.

Материалы к лингвостнографическому словарю говора
окрестностей Ферапонтова монастыря

Ферапонтово, Ферапонтов монастырь... У каждого, кто бывал здесь, это название вызывает светлые чувства. И это у самых разных людей, причем людей, далеких от занятий искусствоведением, историей, литературой. В чем же притягательна сила имени Ферапонтово? Думается, что оно у многих ассоциируется не только с монастырем, его храмами, но и с русским Севером, его мягкими пейзажами, русской деревней, русским человеком вообще. Хотим мы того или не хотим, но надо сказать, что не существует и не существовал, наверное, в прошлом сам по себе этот монастырь, с его замечательным и всемирно известным храмом Рождества Богородицы, расписанным Дионисием. Он — монастырь — появился и существовал неразрывно с тем окружением, миром, который мы называем русской деревней, русским крестьянством. Заметим, кстати, что слово *крестьянин* — это переосмысленное *христианин*. И, должно быть, не случайно это переосмысление, произошедшее именно в русской православной среде. Великороссия была христианской, а самым многочисленным в этом великорусском христианском мире было земледельческое население. Именно эти люди, изначально привязанные к земле, сросшиеся с нею душою своею, живущие по строгим отеческим законам, стали на рубеже истекающего теперь тысячелетия страстными и ревностными приверженцами новой веры и потому получили имя свое — *христиане*, *христьяне*, *крестьяне*. И многие из них позже, в XVII веке, не смогли переменить эту веру...

Изучать все, что относится к Ферапонтову монастырю, невозможно без пристального внимания к истории близлежащих деревень и к языку местных жителей. А в языке так отчетливо отражены особенности быта, среды обитания, хозяйственного уклада, многовековых народных

традиций. Диалектные слова порою хранят память даже о пребывании славян на древней их прародине и потому имеют параллели как в русском, так и в других славянских языках. Это отмечено и в географических названиях, и в словах нарицательных. См., например, в нашей статье (в этом же сборнике) о местном названии Карпаты.

Традиция научного изучения русских народных говоров сочетает в себе описание языка и одновременно «всех сторон жизни народа». Например, изданные в середине прошлого века русские диалектные словари так и назывались: Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении (собрал на месте и составил А.Подвысоцкий), Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении (составил Г.Куликовский). В таком же плане был составлен в 1914 году В.И.Добровольским Смоленский областной словарь. В.И.Даль свой знаменитый словарь определял так: Толковый словарь живого великорусского языка, то есть словарь, где собраны «речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь заходящие, с переводом; объяснение и описание предметов и толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных, с одно (тожде) словами и выражениями окольными; с показанием различных значений в смысле прямом и переносном или иноречиями; указания на словопроизводство; примеры с показанием условных оборотов речи, значения видов глаголов и управления падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.»¹ Это была программа, к выполнению которой так стремился В.И.Даль.

Русская диалектология возникла в XIX веке как раздел этнографии, то есть народоописания. Но позднейшее разделение образования и научных дисциплин — истории, филологии и др. — привело к забвению единства наук о народе и человеке, что отразилось и на преподавании диалектологии в вузе (она стала схематичной, структуралистской и оттого скучной), и на составлении словарей: теперь практически отсутствуют такие труды,

какими были словари Подвысоцкого, Куликовского, Даля. Исключением, может быть, является словарь И.С.Меркурьева (Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979), но и он сходится со старыми словарями, пожалуй, лишь в том, что к некоторым реалиям даны схематичные (стилизованные) рисунки, которые в какой-то мере заменяют их развернутое описание.

В 1988 году А.Ф. Журавлев на страницах научно-популярного журнала «Русская речь» рассуждал о том, должен ли быть современный диалектолог этнографом. Позже, в 1990 году, также на страницах этого журнала А. А. Плотникова³ писала о том же и приводила в пример словари XIX века, названные нами. Но дальше рассуждений, сетований и желаний дело не идет. Нужна, как нам кажется, реальная работа в этом направлении, работа, которая в какой-то мере и продолжила бы изучение народного языка вместе с описанием природы, хозяйственной деятельности и быта русской деревни.

Собранный нами материал говора окрестностей Ферапонтова монастыря мы хотели бы подать в виде такого словаря, назвав его лингвостнографическим.

Приводя примеры из заготовок к этому словарю, мы осознаем и трудности, которые ждут нас на пути преобразования в алфавит того материала, который собран и представлен в тематических группах.

I Явления природы

Многовековые наблюдения за особенностями погоды, за связью ее со всеми сельскохозяйственными работами отразились и в языке, и в народном творчестве, и в народном календаре. Накоплены и еще сохраняются в памяти народной многочисленные приметы: это и прогноз погоды для каждого времени года, это и краткосрочные прогнозы на ближайшие день-два. Поскольку все в природе взаимосвязано, эта взаимосвязь никогда не ускользает от глаза крестьянина. Но обо всех особенностях природных явлений в каждой местности есть свои суждения.

Прежде всего следует заметить, что такие понятия, как *зима* и *лето*, по-разному выражены в народной крестьянской речи и в

литературном языке. Так, в литературном языке это противопоставление существует, как нам кажется, только на уровне *мороз — жара, холодно — тепло, снег — дождь*. В народных говорах, как уже замечено многими исследователями⁴, противопоставление выражается в виде большого количества слов, входящих в это противоположение. И говор окрестностей Феррапонтова монастыря не является здесь исключением.

Рассмотрим вначале летнюю погоду. Прежде всего речь пойдет о дождях. В литературном языке различие дождей выражается в виде дополнительной их характеристики: *сильный дождь, мелкий дождь* и т.п. Для говора характерно прежде всего то, что каждый вид дождя лексически дифференцирован. Например, вам не скажут, что *сильный дождь* пошел, а *залива, заливушка* или *улива*: «Залива — ой, дождик, заливной дождик-от, нынче мало заливных, спрыснет да и всё», «Дождик как заливушка», «Улива» — очень большой дождю». Для сильного, но быстро проходящего дождя тоже есть особое название — *спрыстачек*: «Спрышпет, пыли нет, дак спрыстачек», «Да разве се дождик? Тоже спрыстачек». Такой дождь городские жители называют грибным дождем, так как по приметам после него хорошо растут грибы. Для сельского жителя спрыстачек еще и *сеногой* — в самом названии очень точно выражено отношение деревенского человека к такому дождю, который в пору сенокоса нисколько не радует, а, напротив, очень огорчает крестьянина, для которого каждый погожий день — это надежда на хорошую зимовку скота. Но и летом бывают *затяжные дожди* — так их называют сейчас. В говоре окрестностей Феррапонтова монастыря это название — *затяжные* — известно только молодому поколению, а старики часто употребляют старое — *чирá*, причем такой дождь даже и не идет, а «моросит», то есть мелко сыплется: «Чирá чирит, мелкой дош. Чирá мулит — шумит весь день дождик. Чирá — как моросит, она прошла, перестала [скажут] чирá, это мелкой [дождь], а к осени сделала холодной».

Очень сырой год, с преобладанием ненастной, дождливой погоды здесь называют *помошливым* (от мочить, помочить): «Векшарí в осíновой чашшé есь в помошливой гóд: дождик дак, не мóкрой [зовут], а помошливой зовут».

Хорошая, ясная погода — это *вёдро*, а ненастную обозначают иначе: «День сёрой бўдет — не вёдро». Для предсказания того, какой будет день, есть такая местная примета: «Ёсли солнышко взакат [то есть садится, закатывается], а пого́да хоро́ша, то вёдро [будет]». И еще приметы ясной — пасмурной погоды: «Туман — к вёдру»; «День сёрой бўдет, не вёдро, как закатаца взатучи солнышко [сядет в тучу]».

Погода, в которой как бы стерты наиболее характерные ее черты (зимой — без мороза, летом — без жары), здесь называется *беснүтой*.

В говоре сохраняется старое слово *оболок* (в форме мужского рода) вместо привычного нам облако, отсюда и понятен глагол *заоболочать*, *заоболочивать* «затянуть, затягивать тучами»: «Оболок сто́ит, заоболочало, до́жжик бўдет». Молния, по-здешнему, может *стрегну́ть* (*стрекну́ть*), а не сверкнуть. Вот одно из описаний грозы: «Сильня́я гроза́ была́, так заоболочало́ но́чью, как песте́рь огня́ па́л — клубо́к огня́ тако́й па́л, ленту [косяк] вы́шибло в дверя́х, во дво́р заляте́ла [молния]. Притяжи́тельное ме́сто, когда́ гроза́, то́лкое ме́сто у Мурга́н, де́душка до́м та́м стоя́л. Эта пу́щина притяжи́тельна. Мо́лния стрегну́ла — загоре́лося, стрекáет мо́лния». Здесь же вам скажут: «Па́рко пе́ред до́жжиком, ма́рит».

Описание зимних осадков и в целом зимней погоды следует, наверное, начать с перечня видов снега, причем надо отметить, что здесь, наряду с выражением *снег идёт*, еще говорят и *снег валит* (*повалил, навалило*).

В литературном языке нет специального слова для обозначения самого первого выпавшего снега, который, по обыкновению, тает, но он является как бы предвестником зимы. В говоре это примечательное событие называют *отзы́мье*: «Отзы́мье — навали́л снег и о́пять роста́ял».

Выражению литературной речи «хлопья снега» в данном говоре соответствует — *снег ляпа́ками идёт*, где прямое значение слова *ляпа́к* — «лоскут, заплатка». Такой снег могут называть и *пуши́нками*: «Сне́г лежи́т как пуши́нки».

Если идет снег с дождем, — это *сля́кось*: «Сля́кось кака́ сегóдня,

слякось така на улице! Слякось — и дождь, и снег». Мелкий колючий снег (круп) здесь называют *трупой*: «Трупá бывáет мёлкая».

Зимой, конечно же, наметает сугробы, иногда, если зима очень снежная, сугробы доходят даже и до окошек деревенских домов. Но на дороге их называют *суммётами* (от с-метать, с-мести): «Суммёт — твёрдой снег, в одном месте твёрдой, а дальше мягкой». Ветер, переметающий снег, называется *курёвой* (от курить — «пылить, дымить»): «Снегу нанесёт на деревья и ветром снёсит, и оно вездé пылит, и это курёва».

О большом количестве снега на ветках деревьев здесь скажут так: «Как шляпы навешены на дереве».

В месте выхода тепла, чаще всего над входной дверью в избу или в хлев, образуется налет снега, называемый в описываемом говоре *зайчиком*: «Нависит, гліко, снегу-то, намёрзнет с воли в стене, хоть на потолокé, где плóхо законопáчено, снежók-то — зайчику».

Отличается от литературного языка по своему значению слово *изморозь*: в говоре оно имеет значение «иней на деревьях»: «Изморозь прутьё обломáет. На деревьях изморозь, ишó солнышко, дак оно блестит».

Поскольку в этой местности воду берут только из озера (здесь почти нет колодцев), то в зимнее время прорубают проруби, по-местному, *прóлуби, пролубки*. Их обязательно обставляют *вёшками*. Также вешками отмечают и тропки, идущие по озеру. Делается это для того, чтобы дорожку было видно и чтобы человек не сбился с пути и не попал в полыню, по-местному, в *паркóе место*, если дорожку переметет ветром или засыплет снегом.

В теплую погоду снег бывает *сырым*, из него можно лепить *снежную куклу* — так называют снежную бабу: «Куклы снежные дёлали, сырой снег дак, изо угольёв — глаzá. В морозно время не скатáешь [куклу], перезяблой снег этот».

Ближе к весне появляются сосульки, здесь их называют *шишками* (*каплями?*). С их формой, а также с их количеством связывают в народе и прогнозы на то, какой будет весна (затяжной, быстрой и т.д.): «Шишки бывáют на деревянных крышах. Дóлгая капля, дак мёдленно бóдет тáять. Шишок máло, дак исподоль [медленно] тáет».

Воду, которая в весеннее время выступает на озере поверх льда, здесь называют *наслуз*: «Наслуз-то повёрх льдю, на óзере, а на доро́ге вода́ уж». Интересно, что в сербохорватском языке есть слово *слуз* «слизь, мокрота». Это пример того, как диалектная речь может сохранять архаику, уходящую в то время, когда славяне еще жили на одной территории и говорили на одном языке.

В этом говоре есть также такое понятие, как *весённый лёд*, то есть «ненадежный, опасный»: «Весённый лёд, дак рюхнешь да и всё, подстрогаёт его водо́й, хо́ть рюхнешь, хо́ть прова́лишша».

В описаниях весенних явлений природы есть еще некоторые слова, интересные, на наш взгляд. Так, мелкий лед, плывущий по озеру весной, здесь называют *шóхом* или *шúхом*: «Шúх несёт весно́й, это льди́нки ме́лкие. Шúх — это весно́й, шúх ташшы́т, а óсенью уж пёрвой ле́до́к». Для обозначения не оттаявшей земли в литературном языке нет особого названия, в говоре окрестностей Ферапонтова монастыря для этого служат слова *рóвда* и *стыля́к*. Для крестьянина важно всегда знать — оттаяла земля или нет, то есть можно пахать землю или еще рано. Поэтому и появилась нужда в обозначении такого свойства почвы. Вот как это описывают сами жители: «Сё́год рóвды не́т, не просты́ла земля́-то с óсени, сне́г навали́ло до морóзов. А ко́гда че́реп [промерзший верхний слой земли] крёпкой, не вы́йде́т стыля́к. Стыля́к большо́й, ко́гда промерза́ет земля́ грубоко́. Наверху́ рóвды — че́реп. Пока́ рóвда не вы́шла, че́реп крёпкой. Рóвда не вы́шла — ле́д та́м». Как видно из этого рассказа, в речи местных жителей соседствует с исконным словом *стыля́к* (от *стылый*, *стыть*) заимствованное *рóвда* (из карел. *rouda*, фин. *routa* — «твердая, замерзшая почва»)⁵. Интересно, что верхний слой замерзшей земли именуется *че́репам* — это, конечно же, метафора: череп как коробка, которая закрывает мозг, и череп как коробка, закрывающая землю.

Рассмотрим далее названия ветров. В русских народных говорах они описаны довольно подробно⁶. В говоре окрестностей Ферапонтова монастыря, кроме современных названий — *южный ветер*, *северный ветер*, *западный ветер*, *восточный ветер*, — есть еще и свои, исторически

сложившиеся, но в настоящее время известные только лицам пожилого возраста.

Первые два названия соотносятся со старинными названиями частей света — севера и юга. Не только в этом говоре, но и шире — почти на всем русском Севере — север часто называют *зимой*, а юг — *лёт*. Эта особенность, кстати, отражается и в названиях географических: Зимний берег и Летний берег — так традиционно называются северо-восточное, и южное — юго-западное побережья Белого моря. Отсюда и названия ветров — *зимарь* и *лётний вѣтер* (*с лёта вѣтер*): «Опять зимарь подул. Зимарь подует, так холодной значит. Зимарь больше отсюда [с севера]. Лётней вѣтѣр. С лёта вѣтѣр».

Другие названия здешних ветров связаны с местными географическими именами, но это опять же не является отличительным признаком данного говора, так как такого рода названия ветров широко распространены на территории самых различных русских народных говоров⁷. В качестве известного примера можно привести шелоник, указывающий на реку Шелонь, впадающую в озеро Ильмень с западной стороны, а также байкальский ветер баргузин, дующий там со стороны реки Баргузин.

В говоре окрестностей Ферапонтова монастыря к аналогичным названиям относится северо-западный ветер *белозѣр*. Этот ветер точно ориентирован на северо-запад, то есть на Белое озеро. Название «белозер» встречается почти во всех говорах Белозерья. Другие названия соотносятся с именами местных деревень или других физико-географических объектов: *с Ерёминской вѣтер* «северо-восточный», он указывает на деревню Ереминское: «С Ерёминской вѣтѣр мяккой, дѣжжик, счита́й, бу́дет»; *с Мурга́н вѣтер* — «восточный» — ориентирован на бывшую деревню Мурганы: «Ка́к вѣтѣр с Мурга́н пойдѣт, та́к дѣжжик»; *с Ро́скиной горы́ вѣтер* — «юго-восточный», со стороны небольшой возвышенности Роскина гора: «С Ро́скиной горы́ заобла́чивает, опе́ть бу́дет дѣжжичею».

II Пища, ее приготовление

Крестьянский стол был разнообразным, но следует отметить прежде всего то, что строго соблюдалось правило поста, поэтому нужно говорить о двух видах крестьянской пищи — постной и скоромной. Хотелось бы привести небольшой отрывок из рукописного сборника XVII века, где даны правила жития человеческого: «Есть надобно в меру и то, что принято в землях, где человек живет. Коль человек к какому обычаю привык — так ему и следует поступать...»⁸ Этому правилу строго следовали наши предки, и это сохраняется в крестьянской среде еще и сейчас.

Начнем, пожалуй, с хлеба. Он занимал главное место в рационе питания крестьянина. Мы сейчас часто повторяем: хлеб — всему голова. Действительно, хлеб занимал в пищевом рационе русского крестьянина средней полосы России и русского Севера основное место. И это было подмечено в XIX веке русскими помещиками-экономистами, изучавшими русское сельское хозяйство и занимавшимися его совершенствованием. Например, тверской помещик Д. П. Шелёхов составил интересное описание того, какие продукты были основными у русского крестьянина⁹. Оказывается, основным для него был хлеб в широком смысле этого слова: собственно печеный хлеб, а также блюда, приготовляемые из круп и муки (каши, толокно, сусло, пиво, квас и т.п.). Молочные продукты, как мы теперь их себе представляем, для северного крестьянина были очень ограничены. Некоторые из известных нам молочных продуктов за таковые не считались в старину. Поэтому в нашем очерке мы не встретим некоторых привычных нам продуктов питания.

«Справная», то есть хорошая, домовитая хозяйка должна была уметь прежде всего «пироги творить». И хоть, как здесь говорят, «не хитро научиться пироги испечь», все-таки и тут премудростей немало.

За время бесед с местными жительницами нам удалось записать то, что не только они хранят в памяти, но также и используют еще в своей жизни.

Как выяснилось, самые частые на столе из пирогов — это *круглянки* (*кругляшки, кружálки*): небольшие открытые пироги, по-

нашему ватрушки. Название указывает на их форму: они круглые, и эта округлость идет от *сочнѣй* из пресного ржаного теста, на которые накладывается начинка из вареной картошки, сдобренной молоком и яйцами, а также из пшенной каши, разведенной молоком: «Сбчни россучишь изо ржаной муки, на сочень крупу или картошку, а потом сметаной польешь, а потом крутой сыпаешь. Ой, круглянки добры были! В городях не испечи так круглянки». Похожи на них *рогульки*. Отличаются они друг от друга тем, что края роголек ровные, а у круглянок — фигурные: «Круглянку зашчинывашь, а рогульку загнешь, лучше промажется [маслом], чем в бориках». Правда, некоторые местные жительницы считают, что более старое название — круглянки: «Круглянки раньше, рогульки — теперь».

Похожей на круглянку и рогульку будет *налетушка*; сметанообразная начинка из тушеных овощей или каши как бы наливается на сочень из сдобного теста: «Налетушка картовная — на тесто налила картошку. Налетушку пекешь, дак в картошку ленешь молочка. Или берем паренку сладкую и пекем налитушку... Круглянка на сочную она, а налетушка — на тесто картошка накладываца». Этот род пирожка встречается в различных русских народных говорах и носит схожее название - *налѣвка, налѣвушка, налѣвушка*,¹⁰ *наливник*,¹¹ *наливашка и наливаха*¹².

От местных жителей записано еще такое название — блинчата *налетушка*, или *блинчатой пирог*. Здесь в качестве основы, то есть сочня, уже используется овсяный блин, а начинка та же — жидкое картофельное пюре или жидкая пшенная каша.

Из открытых пирогов-ватрушек следует назвать еще *мякушку* — ватрушку со сметаной и *тоболку* — небольшую булочку из квашеного сдобного теста: «Тоболки пекли пшеничные, вкусные. Толстая, дак тоболка, а потоньше, дак налетушка. Ростяпают [тесто], с картошкой, с яйцами, со сметаной. Тоненька корочка у налетушки, а тоболка подыметя, как коровай».

Все эти названия — для ватрушек, открытых пирогов. Следует заметить, что собственно пироги также имеют свои названия. Причем

названия пирогов указывают или на процесс их приготовления, или на начинку:

Бóлтаники, или бйтники — «пирог из гороховой муки»: «Бóлтаники — дóуго мутóвкой [муку] тйпкали в рóзливе, онй из горóховой муки, срáзу снóгу накладéшь, потóm муки горóховой, как прéсны казйт».

Волну́шник, он же зўбник — «пирог с волнушками (свежими или солеными)». Заметим, кстати, что в данном говоре волнушки — это общее название для пластинчатых грибов, в том числе и для волнушек.

Горóховик — «пирог из гороховой муки»: «Из горóховой муки горóховики, не толстйе, мáленькие пироги́».

Лўковик — «пирог с начинкой из зеленого лука»: «Вймоем лук, нарéжем в блóдо, нáдо натолчй и на тéсто кладём, загибáем и в пéчку кладём».

Рйбник — «пирог с рыбой». Как правило, рыбу запекают целиком, не режут на кусочки. При еде снимают верхнюю корку пирога, рыбу едят прямо из пирога, не раскладывая на порции.

Сгйбник — «небольшой пирог с начинкой из ягод, творога, крупы»: «Сгйбники испечй [надо], всйко дéлают сгйбники».

Солонйк печется без начинки: сочень из квашеного теста посыпается солью, складывается вдвое, зашпыивается и ставится в печь: «Солонйк готóвили — розволяю [тесто], посолю́, загну́ и испеку́».

Йшник — «пирог из яшной, то есть ячменной муки».

Очевидно, к более поздним видам хлебо-булочных изделий, привнесенным, возможно, из городской жизни, можно отнести *крéндели* — «заварные калачи»: «Мáма наметёт [печь], да пеклá крéндели. Онá их обвáривала в кипяткé: на мутóвку нанизáт, да в кипятóк — и на жарóвню».

Жители села ФерAPONTOVO и близлежащих деревень знают не только *блины́*, но и *олáди (олáшки)*: «У нас олáди, олáшки, или шáньги. Гдé олáшки, гдé шáньги, у нас — олáшки. Олáшки дак я не люблю́, блины́ люблю́».

Выпекается еще и *олябышек* — это ржаная лепешка, пекут ее на сковороде в печи перед огнем: «А олябышек, как лепéшка тóненька, изо

ржаной муки олябышек. Его пекли на сковородке боле». Это слово, но в иной огласовке, известно и другим русским говорам — алябыш, алябышки¹³.

В говоре окрестностей Ферапонтова записано еще такое название, как *пирожные сухарі*. Такие сухари готовили, как правило, на следующий день после того или иного праздника из остатков сдобных пирогов. Если за праздником шел пост, пирожные сухари не ели, но если поста не было, то их ели во все дни, кроме среды и пятницы.

Собственно хлеб — это *коровай*. Для того, чтобы тесту для коровая придать определенную форму, его клали в деревянную *хлебную чашку*, потряхивали или, как здесь говорят, «валели», потом уже ставили в печь: «В цашке хлебной потресут и в печь. Коровай вон какие́ большіе, подовые́ пекли». Известно, что коровой связан со свадебным обрядом, и он представляет собою символ солнца. В говоре окрестностей Ферапонтова монастыря коровой занимает определенное место в пастушеском обряде: за три дня до Пасхи, в Великий (или Чистый) Четверг, пекли *большой коровой*. Вот что об этом записано от И. В. Бурова из села Ферапонтово: «В Великий Четверг пекли большой коровой хлеба, этот коровой и скоту пекли, и скоту и скормят. Хранили до выпуска коровой». День первого выгона скота обычно назначали на начало мая, на Егорьев день (23 апреля по ст. ст.). В других местах, например, в Каргополье¹⁴, его называют четверговым житником.

Пекли еще *троежитники* — хлеб из муки трех видов: пшеницы, ржи и ячменя».

Ломоть хлеба или пирога здесь называют *скипой* (*скипкой*, *скипочкой*): «И перог, и хлеб — все равно: отрежь скипку, это скипа».

Если хлеб ломали на мелкие кусочки — *крошенину*, то его могли добавлять в молоко: «А потом молоко хлебали, крошенины накладут да и хлебали». Следует заметить, что молоко никогда не считалось питьем. Молоко — это еда, поэтому молоко всегда хлебали с ягодами или с хлебом, крошениной.

Интересно, что со словом хлеб связано и обозначение понятия

голода: глагол *охлебѣть* значит «стать голодным, захотеть есть»: «Не ёла сѣдня с сáмого утра, дак охлебѣла. Ой, охлибѣл, оголода́л совсѣм [внук]!»

К выпечным хлебным изделиям примыкают каши: в их основе также зерно. В местном говоре в значении «каша» известно слово *сáльник*. Сальники могут быть гречневыми, пшеничными, ячневыми [яшневыми] и даже рисовыми.

Возможно, ритуальным блюдом была *солома́та*, так как ее готовили на празднике конца молотьбы — домолотке: «Солома́та из толокна́, хто из крупы́ де́лают. На домолотке де́лают солома́ту, когда́ на овине молоті́ли. Всѣ перемолотят и де́лают солома́ту на домолотке».

Северный крестьянин не знал того разнообразия молочных продуктов, какое известно современному городскому жителю. Во-первых, молоко было не напитком, его *хлебáли* (или с крошениной, то есть кусочками хлеба, или с ягодами, преимущественно с земляникой). Молоко добавляли в сальники, из него получали *усто́й*, *усто́ек* или *слѣвки*, то есть сметану, но сметану не употребляли в пищу в чистом виде, как это делаем мы сейчас. Ее добавляли в суп — «забеливали», сметана была своеобразной начинкой в налетушках. Из сметаны били, «па́хтали» масло в маслобойке и его называли здесь *моло́чным [моло́шным] ма́сло*. При взбивании сметаны оставался *па́хтус*, который скармливали скоту: «Мутóвкой взбивáли сметáну на ма́сло, вот и па́хтаёшь мутóвочкой. В кри́ночке па́хтали, а па́хтус скоті́нке выпáивали, перогі́ творі́ли на па́хтусе».

Интересно, что различали *парно́е*, *свѣжее* и *молод́е молоко́*, причем это не одно и то же, как нам может показаться. Свежее молоко — это «кислое молоко», то, которое, как здесь говорят, «ссѣлось»: «Молоко́ к вѣчеру ссѣдеца. Нассѣлося молоко́». Молодое молоко — то, которое еще не стало простоквашей, но его уже нельзя есть: оно кислое. Трудно сказать, традиционное название *топлѣное молоко́* или нет, но это название и сам вид молока знают не все. Некоторые местные жительницы из топленого молока готовят *ря́женку*.

В говоре окрестностей Ферапонтова есть еще слово *мо́лозѣ* (*малóзиво*, *малóзь*, *малóзье*). Им обозначается коровье молоко после отела,

которое нельзя употреблять в пищу в сыром виде, его варят и только после этого едят, причем при варке оно густеет и становится похожим на сыр (творог?): «Молозё вярят, кряду в пёчку поста́вят, как сы́р де́лаеца, свáрица, отрэзывает но́жичком и ёшь. Моло́зиво варя́т».

В пост готовили сусло, овсяный кисель, а из овощей — *вёленку* или *па́ренку*. Сами названия указывают на процесс приготовления: вяленые овощи (преимущественно брюква) — *вёленка*, пареные — *па́ренка*: «Вёленка, в пёску поло́жишь брjóкву, не в са́мый жа́р, до утра́ на ра́з и не вы́сохнет. Нарéжешь, в чугу́н поло́жишь, в пёчь поста́вишь — па́ренка».

В праздники варили *пíво*, но его пили только мужчины. Женщинам запрещалось пить это пиво, для них варили специальный напиток — *жéнское [жéньско] пíво*, или *дрожжени́к*, то есть сладкое, «не пьяное» пиво.

В лингвотнографическом словаре предполагается описать дом—двор, хозяйственные постройки; убранство дома и в целом ведение хозяйства; ткачество и другие виды ремесел; рыболовство; представить термины полеводства, животноводства, лесного промысла; найдет свое место в нем обрядовая, а также нетерминологическая лексика.

Примечания:

- 1 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. Напутное слово. М., 1956, с. XXIII.
- 2 Журавлев А.Ф. Должен ли диалектолог быть этнографом? — Русская речь, 1988, № 5, с. 89—96.
- 3 Плотникова А.А. Диалектный словарь — энциклопедия крестьянской жизни. — Русская речь, 1990, № 5, с. 119—123.
- 4 Горячева Т.В. Материал к изучению русской народной метеорологической терминологии. — Этимология, 1972, М., 1974, с. 129—135; Михеева М.С. Названия некоторых явлений природы в печорских говорах. — Севернорусские говоры, вып. 1. Л., 1970, с. 95—107.
- 5 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1987, с. 488.
- 6 Дерягин В.Я. Откуда дует ветер? — Русская речь, 1967, № 2, с. 65—88; Михеева М.С. Названия некоторых явлений природы в печорских говорах. — Севернорусские говоры, вып. 1. Л., 1970, с. 96—99.
- 7 Дерягин В.Я. Откуда дует ветер, с. 85—88.
- 8 Российский календарь, 1991, № 2. Апрель, с. 58.
- 9 Петров М. Жизнеописание Дм. Шелехова. — Наш современник, 1990, № 7, с. 80—111.
- 10 Словарь русских народных говоров Среднего Урала, т.2. Свердловск, 1971, с. 173.
- 11 Лутовинова И.С. О названиях кушаний в печорских говорах. — Севернорусские говоры, вып. 1. Л., 1970, с. 126.
- 12 Лутовинова И.С., Меркулов Н.Ю. О лексических связях западных среднерусских говоров с севернорусскими (на материале названий кушаний). — Севернорусские говоры, вып. 4. Л., 1984, с. 167—168.
- 13 Словарь русских народных говоров, вып. 1 М.—Л., 1965, с. 229.

14 Дурасов Г.П. Обряды, связанные с домашним скотоводством на Каргополье, в конце XIX — начале XX в. — Культура русского Се вера. Л., 1988, с. 100.